

ной литературы, посвященной этимологии отдельных слов, рассматриваемых в словаре, использование новейших достижений сравнительно-исторической фонетики (в частности, ларингальной теории) и морфонологии при анализе слов, оригинальные (но осторожные и взвешенные) этимологические решения автора, привлекающего для исследования данные культурологической символики и тщательного филологического анализа хеттских текстов и слов, — все это не оставляет сомнения, что рецензируемый словарь является образцовым и исключительно надежным. Остается с нетерпением ожидать публикации всех остальных томов словаря, который, безусловно, станет настольной книгой каждого индоевропеиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Juret A. Vocabulaire étymologique de la langue hittite. Limoges, 1942.
2. Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 1977.
3. Puhvel J. Comparative mythology. Baltimore; London, 1989.
4. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
5. Маковский М.М. "Картина мира" и миры образов // ВЯ. 1992. № 6.
6. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. М., 1989.
7. Sturtevant E.H. Hittite glossary. N.Y., 1931.
8. Маковский М.М. Лингвистическая генетика. М., 1992. С. 52—55.
9. Walker B. The woman's encyclopaedia of myths and secrets. San Francisco, 1983.

Маковский М.М.

Berger T. Wortbildung und Akzent im Russischen. München: Verlag Otto Sagner, 1986. VIII + 373 S. (Slavistische Beiträge, Bd. 201).

"Словообразование и ударение в русском языке" Т. Бергера — публикация диссертации, защищенной в Констанцском университете (ФРГ) в июне 1986 г. Цель исследования — найти методы описания, позволяющие достичь синтеза синхронического и диахронического изучения русского ударения. Фактически работа сосредоточена на синхронном состоянии, диахронический аспект затрагивается лишь в самом общем виде (с. 355—358). Автор подчеркивает свое стремление "анализировать современную русскую акцентную систему таким образом, чтобы при анализе все факты были приняты во внимание в равной мере" (с. 16), достичь непредубежденного описания, сконструировав чисто индуктивную систему.

Книга состоит из четырех глав, имеющих многочисленные подразделы, и завершается резюме и указателем литературы. Структура глав хорошо отражает все этапы анализа, что ввиду сложности предложенного Бергером метода и обилия дефиниций существенно облегчает труд читателя.

Авторское исследование акцентуации производных слов предваряется вводной главой I (с. 1—18), где особо отметим краткие, но емкие очерки "К истории обозначения ударения" и "К истории русской акцентологии", и гла-

вой II (с. 19—102), посвященной общим принципам, на которые должно ориентироваться описание, и содержащей детальный анализ работ П. Гарда и более сжатую характеристику акцентологических трудов В.А. Редькина, В. Страковой, В.В. Лопатина, В.А. Дыбо. За пределами обзора литературы осталась монография А.А. Зализняка [1], вышедшая в свет незадолго до завершения диссертации Бергера, но этот пробел был восполнен им позже подробной рецензией в другом месте [2].

В результате критического осмысления работ своих предшественников Бергер приходит к следующим выводам: акцентную систему русского языка нужно анализировать без априорной оценки определенных явлений как "исключений" и "колебаний"; необходимо разграничивать, насколько возможно, ударение в словоизменении и словообразовании; в акцентологических работах рационально избрать в качестве основы для описания словообразования понятие производного слова; описание акцентуации дериватов в принципе может строиться как в направлении от производного к производящему, так и наоборот (из практических соображений автор предпочитает первый, "ориентированный на аффиксы", способ).

В основных главах III (с. 103—285)

и IV (с. 286—358) рецензируемой работы Бергер подробно характеризует собственный метод анализа и демонстрирует его применение на части русской словообразовательной системы, а именно на словах, производных от имен существительных. Поскольку численность непроизводных существительных значительно больше, чем численность непроизводных слов других частей речи, при ограниченном объеме книги в результате анализа вышеуказанной категории дериватов возможен более широкий обзор, чем при анализе какого-либо другого фрагмента. Источниками фактического материала для этих глав послужили словари А.А. Зализняка [3] и Д.С. Ворта и др. [4]. Все этапы исследования подробно иллюстрированы примерами, в которых, однако, не удалось полностью избежать опечаток и других погрешностей. Вызывает нарекания избранный автором способ транскрипции русских слов (см. об этом [5, с. 93]); в частности, можно не согласиться с использованием единого акцентного знака для обозначения главного и второстепенного ударения композитов (дифференцированную нотацию, принятую в русской лексикографической практике последних десятилетий. Бергер считает "излишней", с. 112).

Автор исходит в своем исследовании из системы схем ударения А.А. Зализняка, разработанной для описания русского словоизменения [3, с. 30—34, 80—83], детализируя ее для слов с неодносложной ударной основой и для композитов следующим образом. Слово с неподвижным ударением на одном и том же слого основы относится к схеме ударения k_j , где k — переменная, обозначающая схему ударения по Зализняку; i — номер (считая от конца) ударного слога базисной формы; слово с ударением, подвижным в пределах основы, относится к схеме k_{ij} , где, применительно к именам существительным, i — номер ударного слога словоформ единственного числа, а j — множественного (на глаголах и прилагательных для краткости здесь не останавливаемся), причем в этой группе, в отличие от предыдущей, возможны случаи $i, j = 0$, если речь идет о слого, наличествующем не во всех словоформах; например: *бараба́н* — схема ударения a_1 , *напороти́ник* — a_4 , *ма́стер* — c_2 , *ко́лос* — a_{21} , *дворя́нин* — a_{01} . В процессе

работы эта универсальная классификация наосновного ударения дополняется применительно к производным словам, образованным с помощью словообразовательных моделей, требующих неподвижного начального ударения (типа *зе́лень*, *при́город*, *пра́внук*), схемой $\bar{a}$. Схемы ударения сложных слов выделяются с учетом главного и второстепенного ударения и обозначаются формулой, в которой к символу, указывающему на схему ударения последнего компонента сложения, приплюсовывается цифра, соответствующая месту побочного ударения внутри первого компонента, если он состоит более чем из одного слога; если же первый компонент односложен, цифра опускается; примеры: *о́бер-ма́стер* — $a_2 + 2$, *вне-парти́йный* — $a_1 + 1$. (В дальнейшем автор отказывается, правда, от исследования распределения побочного ударения, прежде всего в силу его малой нормированности по сравнению с главным ударением.) Подобная модифицированная классификация представляется нам весьма удобной и перспективной для изучения русского ударения как в словообразовательном, так и в других аспектах¹.

Бергер отказывается от традиционного понятия акцентных колебаний; каждое русское слово по его классификации относится к одной и только одной схеме ударения. В подобных случаях выделяются, следовательно, не варианты одного слова, а разные слова, причем акцентным дублетам дериватам соответствуют также разные производные (например: *сосе́нка₁* и *сосе́нка₂* — схемы ударения соответственно a_2 и a_1 , производные соответственно *сосна́₁* и *сосна́₂* — оба схема d).

Специальные разделы посвящены тому, как при помощи отношения производности и словообразовательных моделей может быть построено описание деривационной системы русского языка. На передний план при этом выдвигается определение понятия производного слова — понятия, которое, по Бергеру, исходит из главенства формального уровня и особенно удобно для описания ударения ("поскольку ударение

¹ С удовлетворением отмечаем элементы сходства между классификацией наосновного ударения Т. Бергера и нашей собственной; о последней см. [6].

однозначно относится к плану выражения слова", с. 158).

Далее Бергер обращается к акцентной системе, исходя из гипотезы о наличии связи между словообразованием и акцентуацией, т.е. о зависимости схемы ударения производного слова от определенных свойств производящего слова и словообразовательной модели. Релевантные для деривации свойства производящих слов не выводятся непосредственно из их схем ударения; для обнаружения этих свойств материал классифицируется по акцентным классам, охватывающим все те слова, все производные которых в пределах каждой словообразовательной модели демонстрируют идентичное акцентное поведение. Однако, подчеркивает автор, в отличие от классификации по схемам ударения, определение акцентного класса может представлять практическую трудность (если у слова нет производных или же если имеющиеся дериваты не позволяют однозначно судить об акцентном классе производящего).

Конечным практическим результатом исследования одноступенчатых (образованных от непроизводных слов в один шаг) производных являются перечни постоянных (требующих одной схемы ударения независимо от акцентного класса производящего слова) словообразовательных моделей (с. 287--291), таблицы и списки, демонстрирующие акцентное поведение всех непостоянных (неоднозначных с акцентологической точки зрения) аффиксов (с. 292--317).

Перечни важнейших постоянных словообразовательных моделей (83 позиции), сгруппированные по схемам ударения, свидетельствуют прежде всего о количественном господстве моделей, требующих схемы a_1 (43 позиции) и далее a_2 (21 позиция). Из списка "постоянная схема ударения a_1 " (с. 289), правда, необходимо удалить модель *super-*: привлечение более широкого фактического материала (ср., например, *суперинтендант* — a_1 и *суперкомпьютер* — a_2 [7]) показывает, что с учетом двух предложенных автором возможностей описания ударения префиксальных существительных эта модель относится, подобно *vice-*, *ober-* и другим, к непостоянным (1) или к одному из двух типов моделей, не требующих оттяжки (главного) ударения на приставку (2). В подавляющем большинстве случаев

словообразовательные модели, акцентологически постоянные при одноступенчатой деривации, оказываются постоянными также и при многоступенчатой деривации. Постоянными исключительного в отношении одноступенчатых производных являются всего пять моделей: *-atyj*, *-ivyj*, *-ennyj*, *K-eskij*, *ne-* (например: одноступенчатые производные *морда́тый*, *горба́тый* — a_1 при многоступенчатых *сумча́тый* — a_2 , *зубча́тый* — a_1); этим моделям посвящен далее специальный раздел (с. 325--327).

Исследование непостоянных аффиксов приводит к разбиению непроизводных существительных на акцентные классы двух уровней. В первичной классификации каждые два класса различаются по крайней мере двумя признаками; вторичная классификация является "уточнением" первичной и охватывает все те случаи, в которых различие между двумя классами основывается только на одном признаке. Например, внутри первичного акцентного класса $A3$, элементы которого в комбинации со словообразовательными моделями *-nyj*, *žik*, *-kaa*, *-ij*, *-žica*, *-ovuj* дают акцентологический эффект соответственно a_3 , a_4 , a_3 , a_3 , a_4 , a_4/a_1 (ср. *линбо́леумовый* и т.д. при единичном *окороко́вый*), выделяются два вторичных класса — $A3$ (*-ovuj/a_4*) и $A3$ (*-ovuj/a_1*). Подобный подход позволяет формально избежать проблемы исключений, но, как отметил сам автор в дискуссии об исключениях в другом месте, "наверное, такие условные решения ... тоже не могут удовлетворять полностью" [2, с. 301].

Анализ непостоянных словообразовательных моделей приводит к выделению 15 первичных и порядка 300 вторичных акцентных классов. Акцентная характеристика каждого непроизводного существительного в форме словаря или исчерпывающие перечни слов по акцентным классам потребовали бы значительного увеличения объема издания. На основании рецензируемой книги в ее настоящем виде отнесение конкретного непроизводного существительного к тому или иному акцентному классу в общем случае осуществляется путем сопоставления всех непостоянных одноступенчатых производных этого слова с матрицей, строки которой отвечают акцентным классам, столбцы — непостоянным одноступенчатым моделям, а на их пересечении находится акцент-

ная схема соответствующих производных. Ориентироваться в материале, разбираемом с точки зрения акцентуации на страницах работы, весьма помог бы прикипный указатель слов.

Акцентные классы, выделенные для непроеводных существительных, в неизменном виде используются для описания акцентного поведения существительных, производных в свою очередь от существительных; об акцентном классе такого деривата почти всегда можно судить по его схеме ударения. Изучение соотношения между ударением в словоизменении и в словообразовании показывает, что в целом нельзя сделать однозначного вывода об акцентной схеме слова, исходя из его акцентного класса, равно как и об акцентном классе слова, исходя из его схемы ударения. Так, малочисленный класс A_3 включает непроеводные существительные, относящиеся к двум схемам ударения — a_3 (*вы́хухоль* и др.) и c_3 (*о́корок*); слова этих схем представлены и в двух других классах — в одноэлементном $A_3 +$ (*сво́ротка* — a_3) и в обширном A_1 (*коло́кол* — c_3); в A_1 входят, наряду с *колокол*, существительные еще шести схем — a_2 , a_1 , b , c_2 , c_1 , d и т.д. Те немногие случаи, когда однозначное соответствие всё же имеет место, касается исключительно малых множеств слов. Примером может служить следующее "правило", распространяющееся только на уникальное с акцентологической точки зрения *напоротник*: непроеводное слово схемы ударения a_4 относится к акцентному классу A_4 .

Основные типы акцентного поведения словообразовательных моделей таковы: 1) схема ударения производного слова зависит только от аффикса; 2) схема ударения производного слова вытекает из акцентных свойств аффикса и акцентного класса производящего слова (у композитов соответственно — акцентного класса второго компонента сложения); 3) схема ударения производного слова идентична схеме ударения производящего слова (у композитов соответственно — второго компонента сложения); 4) место ударения производного слова вытекает из места ударения производящего слова, причем подвижное ударение заменяется неподвижным; 5) производное слово имеет колонное ударение на последнем слоге основы производящего слова (у компо-

зитов соответственно — второго компонента сложения); 6) ударение производного слова нельзя связать ни с каким из названных факторов.

Акцентная система современного русского языка характеризуется далее следующим образом. В центральной области деривации (а именно у суффиксальных, префиксально-суффиксальных и сложно-суффиксальных слов) схемы ударения производных зависят в основном от акцентных классов производящих слов и от свойств словообразовательных моделей, в периферийной для существительных области деривации (а именно у префиксальных слов и у сложных слов без суффикса), напротив, — в основном от акцентных схем производящих слов и от свойств словообразовательных моделей; в более дальней периферийной области (а именно у немногих суффиксов) зависимость между схемами ударения производных слов и названными факторами не устанавливается. У непроеводных слов связь между схемами ударения и акцентными классами отсутствует, тогда как из акцентной схемы производного слова почти всегда можно сделать заключение о его акцентном классе. Дальнейшее обобщение приводит к выводу о том, что важной особенностью русской акцентной системы являются две асимметрии: с одной стороны, асимметрия между суффиксальными и префиксальными образованиями (соответственно между суффиксальными и бессуффиксальными композитами), с другой стороны, асимметрия между подчинением непроеводных и производных слов акцентным классам. Эти асимметрии получают также истолкование с диалектической точки зрения.

Рецензируемую работу Т. Бергера отличают оригинальный подход, точное определение всех применяемых понятий и операций, строгость и последовательность изложения, тщательный анализ материала. Книга вносит существенный вклад в теоретическую интерпретацию и практическое описание такого сложного явления, как ударение современного русского языка, и, безусловно, принадлежит к числу наиболее значительных акцентологических трудов последних лет. В дополнение к другим рецензиям [5, 8–10] необходимо также подчеркнуть, что предложенный метод и многие положения Бергера весьма перспективны для дальнейшего изучения

русского ударения, тем более что некоторые задачи на будущее сформулированы и самим автором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
2. Berger T., Schweier U. Важный вклад в изучение русской акцентуации. По поводу книги: Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской // R Ling. 1990. N 3.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1977.
4. Worth D.S., Kozak A.S., Johnson D.B. Russian derivational dictionary. N.Y., 1970.

5. Šturala J. // ČSR. 1988. N2. Rec.: Berger T. Wortbildung und Akzent im Russischen.
6. Корнилова И.А. Акцентологическое освоение заимствований в русском языке (XVI—XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 6—8.
7. Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. 6-е изд. М., 1985.
8. Kirkwood M. // The Slavonic and East European review. 1987. N4. Rec.: Berger T. Wortbildung und Akzent im Russischen.
9. Niemeyer M. // ZfS. 1988. N5. Rec.: Berger T. Wortbildung und Akzent im Russischen.
10. Стракова В. // Съпоставително езиковедство. 1990. N1. Рец.: Berger T. Wortbildung und Akzent im Russischen.

Корнилова И.А.

Грязнухина Т.А., Дарчук И.П., Клименко Н.Ф., и др. Использование ЭВМ в лингвистических исследованиях / Отв. ред. Перебийнос В.И. Киев: Наукова думка, 1990. 226 с.

Десятилетие принесло лингвистам, как и многим работникам умственного труда нашей страны, реальную возможность широкого использования компьютеров в повседневной работе. Рецензируемая книга представляет несомненный интерес для филологов всех групп и специальностей — от студентов до научных сотрудников. Она чрезвычайно полезна и для разработчиков Машинного фонда русского языка. Один перечень заголовков глав этой коллективной монографии возбуждает желание заглянуть во многие ее разделы, чтобы найти ответы на вопросы, постоянно возникающие с момента, когда компьютер появляется на нашем письменном столе. Здесь мы найдем и квалифицированное обсуждение проблем формализации естественного языка при обработке языковой информации (разд. 1, гл. 1) и обсуждение перспектив автоматизации лингвистического анализа текста (разд. 1, гл. 2), и разделы посвященные решению статистических задач на ЭВМ (разд. 1, гл. 4), автоматическому анализу и синтезу речи (разд. 2, гл. 1), морфологическому и синтаксическому анализу (разд. 2, гл. 2—5), исследованиям лексики и терминологии (разд. 2, гл. 6—8), структурной организации текста (разд. 2, гл. 9). Даже при беглом просмотре видно,

что книгу отличает высокая информативность (обилие библиографического материала), конкретность (все разделы написаны известными специалистами в области вычислительной лингвистики на материале недавно проведенных или текущих работ) и систематичность изложения. Наиболее ярким примером этого является гл. 6. разд. 2 "Сетевое моделирование лексики", написанная Э.Ф. Скороходько.

Все это — несомненные достоинства книги, после изложения которых автору настоящей рецензии хотелось бы, чтобы все, что будет сказано ниже, рассматривалось читателем не как перечень недостатков, а как "альтернативные" суждения по отдельным вопросам.

1. В книге настойчиво проводятся две "традиционные" для вычислительной лингвистики идеи, первая из которых, говоря словами авторов, звучит так: "Мы можем использовать машину как помощника при условии, что сформулируем ей задание так, чтобы его можно было изложить на одном из языков программирования. Сейчас мы общаемся с компьютером на разных языках — машинно-человеческом и машинном. Роль посредника в этом общении выполняет программист" (с. 3), а вторая — "... решение исследовательских задач с помощью ЭВМ способствует